

РАНО побелела голова моего друга. И первое сравнение — со снежной вершиной родных его гор — родилось не сегодня. Но в канун юбилея, когда на стол читателя лег и последний том его собрания сочинений, седина мудрости Расула Гамзатова, сына Гамзата из аварского аула Цада, стала уже символом зрелости, и жизненной, и метафорической, — поэзия его вошла в зенит народного признания. А вот название «уроки» все еще кажется нам, знающим поэта близко и давно, не совсем «гамзатовским»... И я не сразу решился написать его на чистом листе бумаги. Гамзатов — и скучное поучение? А, впрочем, почему учение, урок связывать с назиданием? Разве жизнь не учит нас каждый день — то весело, то лукаво, то горько и жестоко? И потом, не сам поэт «преподает» нам уроки высокой поэзии, а она, чудодейственная эта сила любви, высоких замыслов и предостережений, заставляя человека, к ней прикоснувшегося и причастного, задуматься над смыслом жизни, ежедневного своего существования на земле, над долгом своим перед временем и Родиной, будущим, поколениями тех людей, что будут жить после нас.

Феномен народного поэта — а Гамзатов суть поэт народный не только по званию, но по природе своего редкого дарования — в том прежде всего и заключен, что уроки поэзии его «общественно интересны людям», пользуясь толстовским выражением; чем глубже, «тем общее» проникает художник в души современников. И значит, говоря об уроках Гамзатова, говорим мы с вами о поэзии в высоком смысле, о жизни поэзии в народной памяти и опыте общества.

Я учился с Расулом пять лет в стенах Литературного института имени А. М. Горького, суждено мне было написать о нем первую статью, первую книгу о нем, первый сценарий «В горах мое сердце», по которому поставлен был первый о нем кинофильм, а потом вместе с Расулом и кинорежиссером Георгием Даниэлем участвовать в создании сценария художественного фильма «Хаджи-Мурат». Я так много писал о нем, что каждое новое слово дается с трудом: не повториться бы, не власть бы в повторении мысли, ставших расхожими от частого употребления. Но тут вступает в силу закон обратной связи: Гамзатов, его могучая щедрость дара — вот что не дает успокоиться на достигнутом уровне понимания и толкования его стихов! Гамзатов — удивительно новый — в старом, неординарный — в постоянстве, дерзкий — в традиции — вот что будоражит, заставляет видеть непривычное в привычном, открывает горизонты смелые в своей неоглядной ширин!

Родившийся в маленьком ауле, приклоненном спиной к огромной скале и обращенном к плато, по которому ведет дорога в знаменитый Хунзах, аул аварских ханов, к старой крепости, выстроенной русскими (туда после поражения революции 1905 года были сосланы бунтующие матросы), Расул увидел и поэтически освоил огромный мир, распахнувшийся перед ним краской всех континентов, а за спиной поэта высокой стеной встала большая Родина — скала духа и братства народов СССР.

Урок братства народов, урок широты горизонтов неотделим для нас, когда мы говорим о творчестве Гамзатова, от этого маленького клочка каменистой, скупой земли, называемой Цада, от семидесяти бедных саклей, в которых детям поются песни и рассказываются сказки древние как горы, на языке гортанном и клокочущем, как горная река Койсу, которая и до моря-то не доходит, так мала: на языке, который знают

Владимир ОГНЕВ

УРОКИ ГАМЗАТОВА

Штрихи к портрету

каких-нибудь двести тысяч аварцев. Но на своем языке! И без него не было бы ни Расула с его всемирной известностью, ни пронзительной боли за каждого человека, за любую форму несвободы в мире, за каждый угнетаемый народ в Африке, Азии, в любом месте земного шара — ведь познавший свободу народ и человек непримирим к несвободе. Есть у Гамзатова строки, раскрывающие этот «урок» памяти своего места на земле:

*«Скажи мне,
наша речка говорливая,
Длиною в сотни верст
и сотни лет:
Что видела ты
самое красивое
На этих сотнях верст
за сотни лет?»*

*Ответила мне речка
края горного:
«Не знала я красивой ничего
Бесформенного камня —
камня черного
У самого истока моего».*

(Перевод Н. ГРЕБНЕВА)

Человек, так ощущающий свои корни, свою почву, непобедим. Поэт, сумевший это выразить, вечен в памяти народа. Но эта правда — не вся правда. Джавахарлал Неру писал, что корни человека лежат в той почве, которая его вырастила, в той среде, где он вырос, но ветви свои он может устремлять во всех направлениях, и они покроются листвой и цветами. Сам Расул говорил не раз, что дали ему русская культура, учеба у Твардовского, Маршак, Светлова, Смелякова, упительная гармония русской классики, ее психологическая школа, широкий охват культуры веков: «Мне, горцу, рожденному в далеком ауле Цада, поэты открыли огромный мир чувств и знаний, которых были лишены мои храбрые предки. И если раньше я говорил: «Мой Дагестан», то теперь я могу сказать: «Моя Россия», «Моя Грузия», «Моя земля»... Небо и землю Испания, мелодии и цвета Италии, красоту и правду Франции принесли в мою горскую саклю дорогие мне поэты. Я счастливый человек».

И еще — об уроках. Есть художники, рвущиеся в завтра, есть — прикованные к прошлому. Есть такие, кто, кроме сегодняшнего, того, что буквально можно потрогать руками и задеть локтем, ничего не замечают вокруг, в себе самом. Но истинный поэт — дитя трех эпох. Культура памяти, острое чувство современности, наличие идеала — вот слагаемые такого счастливого дара. Им обладает Расул Гамзатов. Какой-нибудь герой прошлых лет, Хочбар из аула Гидатль, например, наделен для поэта такой же живой силой сопереживания его боли и радости, как будто это его, поэта, современник, и страстное отрицание предательства, измены, коварства, насилия над безоружным или слепого фанатизма достигает такой меры обобщения, что нынешние носители добрых и злых начал словно бы прорастают сквозь века и спорят, как живые с живыми, со своими предками. А потомки, кажется, прислушиваются к их спору о том, что есть добро, а что — зло, что есть правда, а что — ложь! И тут опасно упрощать этот процесс. Случается порой, что в прошлом писатель видит только «золотой век» нравственности. Бывает и так, что люди склонны видеть в былом одни лишь примеры варварства и незрелости. Нигде, как в горах, опыт старших не читается так явно. Абуталиб, легендарный герой гамзатовского «Моего Дагестана», существовал на самом деле. И на самом деле был остроумен и мудр. Я знал его, как лично знал и другого остроумца и мудреца — старина Исбаги, земляна Расула. В «Моем Дагестане» многие мысли приписаны Абуталибу самим мудрецом Расулом. Но Абуталиб для поэта Гамзатова — символ мудрости его народа, его умное сердце. Если он не говорил буквально этих слов — он МОГ СКАЗАТЬ их.

Поэзия Расула Гамзатова является образцом диалектического отношения к прошлому, всегда устремлена в будущее справедливое, лучшего общественного устройства.

Одним из очень важных уроков Гамзатова является органичность его творчества. Это качество не только природно, вытекает из масштаба дарования, таланта художника. Оно связано с историзмом мышления. Темы стихотворений и поэм Гамзатова оказываются шире и глубже тех, зачастую ограниченно временных задач, какие ставили перед собой в те же годы другие стихотворцы, не обладающие той остротой чувства, а может быть, просто менее одаренные.

К каким бы «вечным» темам ни обращался Гамзатов, общее начало вырастает у него из животрепещущих вопросов времени, эпохи, главных, волнующих многих нужд людей. Поэтому он оставался, так сказать, «ко двору» во все периоды развития поэзии нескольких десятилетий. Ему, как говорится, по пути было и с поэтами гражданской жилки, прямо и смело говорившими о болях общества и мира, и с теми художниками, кто обращался к философическим медитациям. Только с теми, кто бежал из опасных рядов социального искусства под надежное крылышко «тихой лирики», ему было не по пути. Нет, водоразделом в советской поэзии никогда не была принадлежность к «громкой» или «тихой» лирике. Разве в прозе лет так уж важно, «кричали» ли Маяковский и Ахматова, Пастернак и Есенин, Египше Чаренц и Галактион Табидзе? Органичность дарования — первое и влиятельнейшее слагаемое

в ряду других, определивших постоянно творческого долголетия и нерастрченного интереса читателей к поэзии Расула Гамзатова.

И, конечно же, народность. Здесь тоже есть безошибочные ориентиры — кто хочет казаться народным и кто им действительно является — народным поэтом.

*В каждом горце, я знаю,
есть нечто такое,
Что всегда мне запомнит
отца моего.
Ты, отец, был народом,
и он был тобою,
Ты причастен
к бессмертию его.*

(Перевод Н. ГРЕБНЕВА)

Одной из примет органической народности художника бывает вот эта родственная причастность к заботам народа, как правило, недеklarативная и неназванная. Урок Гамзатова — и поучительный — в понимании народной основы общества, на чем, собственно, и зиждется наше мировоззрение. Народ, по Гамзатову, — это люди, на которых держится все. Поразительно пронизательны свидетельства достоинства людей, знающих, что именно на них, тружениках, покоится благоденствие нации, что они — труженики, хозяева, а не гости в этом мире:

*Ты перед нами, время,
не гордись,
Считая всех людей
своею тенью.
Немало среди людей
таких, чья жизнь
Сама источник
твоего свеченья.
Будь благодарно
озарившим нас
Мыслителям,
героям и поэтам.
Светильность ты
и светишься сейчас
Не собственным,
а их великим светом.*

(Перевод Н. ГРЕБНЕВА)

Я не много знаю таких строк, исполненных гордостью за человека, гордо защищающих его достоинство. Смело ставлю это восьмистишие рядом с поздним стихотворением А. Твардовского «Вся суть в одном-единственном завете...» и думаю о многомерности восьмистишия, о вызове абстракциям и мифам, за которыми, бывает, не виден человек, личность, народ — творец своей судьбы.

Народность неотделима от демократичности его музыки. Стихи Гамзатова читаются и поются на многих языках нашей страны и далеко за пределами родины — в переводах на русский и другие языки мира.

Их простота — от всеобщности человеческого чувства, в них выразенного, не от бедности — от богатства его. Взяв от горской песни ее глубокую мудрость, вечность таких понятий, как мать, земля, жизнь, долг, родина, любовь и верность, Гамзатов вложил в них современные тревоги, боли и радости.

Урок этой простоты и ясности и в реализме — умения видеть, понимать, судить честно, как судит народ. Его эстетика реалистична, верна главному во всяком искусстве: правде.

*«Все в мире плохо
и порядка нет!» —
Сказал поэт
и белый свет покинул.
«Прекрасен мир», —
сказал другой поэт
И белый свет
в расцвете лет покинул.*

*Расстался третий
с временем лихим,
Прослыв великим,
смерти не подвластным.
Все то, что плохо,
он назвал плохим,
А что прекрасно,
он назвал прекрасным.*

(Перевод Я. КОЗЛОВСКОГО)

Сегодня, в тревожный период человеческой истории, важен для нас и такой урок Гамзатова, как понимание серьезной ответственности поэзии за самое основное в мире — за жизнь человека. Советский поэт, представитель народов, принесших огромные жертвы в борьбе за свободу, потерявших миллионы своих сынов в борьбе с фашизмом, Гамзатов пишет об угрозе мирового апокалипсиса, атомного ада... Его классические «Журавли», этот пронзительный реквием!..

*Мне кажется порою,
что солдаты,
С кровавых не пришедшие
полей,
Не в землю нашу
полегли когда-то,
А превратились
в белых журавлей.
Летит, летит по небу
клин усталый —
Мои друзья бывшие
и родня.
И в их строю
есть промежуток малый —
Быть может,
это место для меня!*

(Перевод Н. ГРЕБНЕВА)

В таких прекрасных стихотворениях, как «Есть три заветных песни у людей...», «Прощу у вас, благих вестей достойных...», и многих, многих других Гамзатов не просто вселяет в нас тревогу, а учит миру, зовет к человеческому началу в людях, предупреждает о возможной угрозе, ищет с нами вместе пути спасения мира. Когда он пишет, что в мире есть только любовь, славит любовь, поет ее, молится на любовь, возносит ее выше всех богов, он провидит время другой любви — братства людей на планете, не сотрясаемой войнами. В стихотворении «Я свиданье женщине назначил...» поэт просит природу, мир, людей всей земли подождать с любой опасностью, просит «тишины»... Ведь это так важно — любовь на этой прекрасной зеленой земле! Человек, который любит, не может убить другого, тревожится за жизнь близких, а близкие — все люди земли, затаявшиеся в ожидании: мир или война...

Уроки большого мастера, одного из самых больших поэтов современности, Расула Гамзатова — наше бесценное общее достояние. Они стали вняты благодаря героическому труду замечательных русских переводчиков, прежде всего Н. Гребнева и Я. Козловского, по справедливости делящих и сегодня, в канун юбилея аварского поэта, его славу. Славу заслуженную.

И это — тоже урок.